

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РАЗНОСТИЛЕВОЙ ЛЕКСИКИ

(на примере текста песни Алексея Луппова)

В лексике современного русского языка, наряду со стилистически нейтральными, традиционно выделяют такие группы слов, как книжные и разговорные. При этом к книжной относят лексику научную, официально-деловую, газетно-публицистическую, поэтическую (художественную); к разговорной – собственно разговорную и просторечную.

Одним из требований лексических норм является употребление слов в строгом соответствии с ситуацией и целью общения – т. е. в соответствии с их стилистической принадлежностью. Используемая подобным образом лексика (официально-деловая – в официальном документе, научная – в рамках научного исследования и т. п.) не привлекает внимания сама по себе, т. к. читатель настроен на восприятие именно таких слов. По этой причине лишними образности, эмоциональности, экспрессивности часто оказываются не только научные или официально-деловые документы (что, собственно, диктуется их первоочередной задачей), но и произведения публицистического или художественного плана оказываются “пресными” (хотя для последних основной задачей как раз и является воздействие посредством художественных образов).

Напротив, нарушение стилистических требований в рамках художественного произведения способно привлечь внимание читателя. Если такое нарушение или несоответствие имеет осознанный и строго взвешенный характер, то оно само по себе способно выступить достаточно действенным средством создания образности, выразительности, средством передачи тех или иных эмоциональных и экспрессивных оттенков.

Интересным случаем такого нарушения является намеренное использование разностилевой лексики в рамках одной и той же речевой ситуации. В качестве примера рассмотрим текст песни белорусского автора и исполнителя Алексея Луппова – “День сельхозавиации”¹.

Названный текст в количественном отношении представляет собой 141 словоупотребление, включая название: день, сельхозавиации, над, центральной, усадьбой, реют, флаги, на, подводах, самогона, полны, флаги, весь, колхоз, поправ, закон, гравитации, в, предвкушенье, дня, сельхозавиации, со, списком, в, аршинный, лист, за, селедкой-колбасой, мчится, мчится, тракторист, скотно-взлетной, полосой, у, конторы, маршируют, пионеры, тычут, в, небо, голубками, из, фанеры, маслбоек, прораб, бьет, в, колхозный, барабан, на, задворках, сорок, баб, моют, содой, ероплан, и, пора, бы, начинать, дело, к, осени, да, пилота, с, пельменей, проносило, кружит, кружит, над, деревнею, машина, мащут, в, форточку, бесстрашные, мужчины, натянув, противогаз, дразнят, палкою, собак, а, чтоб, пропельдер, не, погас, ж-ой, дуют, в, бензобак, и, мотают, их, ямы, коварные, блещут, блещут, номера, инвентарные, из, кабинки, ветром, выдуло, пилота, не, угнаться, ему, знать, за, самолетом, ляснет, в, воду, будет, жить, а, об, пень, то, ран, не, снести, лесорубы, вжик, вжик, вжик, отдадут, икару, честь, и, басит, колхозный, хор, в, рупорации, здравствуй, праздник, день, сельхозавиации.

Проверив данные словоупотребления с точки зрения стилистической окрашенности, мы обнаруживаем, что более 10% из них (т. е. 15 из 141) являются стилистически маркированными²: реют (высок.), поправ (устар.,

высок), гравитации (спец.), аршинный (разг.), тычут (разг., неодобр.), маслбоек (спец.), баб (прост.), натянув (разг.), ж-ой (прост., груб.), мотают (разг.), знать (прост.), вжик (разг.), басит (разг.). Сама по себе такая насыщенность текста подобной лексикой уже является интересным и ярким способом придания тексту образности, четко выраженной иронии. Этот эффект усиливается за счет того, что при описании одного и того же объекта (в рамках одной строфы, одного предложения) сталкивается лексика в стилистическом отношении диаметрально противоположная, т. е. возвышенная, поэтическая – с одной стороны; разговорная, просторечная – с другой: “реют флаги” соседствует с “самогона полны флаги”; “маршируют пионеры” употребляется рядом с “сорок баб моют содой ероплан”; “бесстрашные мужчины” занимаются тем, что “натянув противогаз, дразнят палкою собак”; “отдадут Икару честь” является следствием того, что пилот “ляснет” “об пень” и т. д.

Показательно также то, что в тексте отмечаются случаи разговорной (просторечной) номинации тогда, когда ожидаемой (и потому менее выразительной) является номинация общеупотребительная. Действительно, мы замечаем, что вместо привычного названия какого-либо предмета в тексте часто используются слова сниженного в стилистическом отношении характера: самолет получает название “ероплан” (а не “аэроплан”), двигатель называется “пропельдер”, иллюминатор обозначается как “форточка”, падение из самолета характеризуется словом “ляснет”. Причем данное явление затрагивает и сферу словотворчества: ожидаемая и нейтральная в стилистическом плане взлетная полоса превращается в “скотно-взлетную”.

Следует учесть, что во внимание мы принимали только те слова, стилистическая окрашенность которых не вызывает никаких сомнений; это означает, что количественный показатель стилистически маркированной лексики в действительности еще выше. В этом плане отметим особо слова с двояким толкованием лексического значения, стилистически маркированные варианты словоформ, фразеологические единицы.

Так, использованное автором слово “колхоз” можно истолковать как сокращение от “коллективное хозяйство” (= “производственное объединение крестьян для коллективного ведения сельского хозяйства”); в таком случае оно не несет на себе никакой стилистической окраски. Однако это же слово по смыслу песни можно понять как характеристику дружной группы людей (в широком смысле), занятых общим делом; в таком случае возникает стилистическая окрашенность разговорности, шутовскости³.

Выбор варианта грамматической формы слова также может являться следствием намеренной стилистической игры автора произведения. Такая маркированная словоформа употребляется в самом начале песни, создающем впечатление торжественности, приподнятости: в форме творительного падежа имени прилагательного вместо нейтрального окончания -ой используется окончание -ою, более характерное для речи поэтической (“над центральной”).

Представляет интерес также переосмысление фразеологических сочетаний и, как следствие этого, изменение их стилистической отнесенности на противоположную. Так, например, распространенное устойчивое выражение-символ “голубь мира” (= “изображение го-

лубя как символа мира²) имеет окраску высокого выражения⁴. В то же время этот символ реализуется в тексте в уменьшительной форме “голубки” (что, безусловно, само по себе противоречит торжественности), причем указывается на то, что они сделаны “из фанеры” и ими “тычут в небо”.

Обобщая сказанное, мы можем сделать следующие основные выводы. Во-первых, употребление в тексте стилистически окрашенной лексики может являться не столько следствием языковых требований сферы употребления (высокой, торжественной – в поэтическом произведении; разговорной, просторечной – в повседневном бытовом

общении), сколько результатом намеренной стилистической работы автора. Во-вторых, использование стилистически окрашенной лексики само по себе является достаточно действенным средством создания образности художественного (поэтического) произведения. В-третьих, намеренное и взвешенное нарушение стилистических требований к произведению определенного жанра (в т. ч. столкновение в рамках одной речевой ситуации лексики в стилистическом плане диаметрально противоположной) способно усилить образность, выразительность произведения и привести к появлению эффекта ярко выраженной иронии.

Примечания

¹ Текст песни приводится по изданию: Луппов А.М. Я выбираю дождь.– М: Белгородский печатник, 2001. – 64 с.

² В данном случае был использован следующий источник: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российской академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.

³ Данная помета зафиксирована в том же словаре, С. 285.

⁴ Там же, С. 137.